

В. Н. Болоцких
А. И. Давыдов

Опыты психоанализа Клио

В. Н. Болоцких

Опыты психоанализа Клио

«Издательские решения»

Болоцких В. Н.

Опыты психоанализа Клио / В. Н. Болоцких — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856746-9

Авторы предпринимают опыты объяснения причин исторического беспамятства в России. Поднимают вопросы, которые Россия, от отдельно взятого гражданина до общества в целом, давно должна поставить, осознать и начать решать: откуда пошла земля Русская, куда идёт и на чём спотыкается. Иначе будем наступать на одни и те же грабли. И вместо решения конкретных и перезревших проблем умиляться своей выдуманной историей, пугать мир своим непредсказуемым прошлым, безрадостным настоящим и непонятным будущим.

ISBN 978-5-44-856746-9

© Болоцких В. Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Методологическое введение	7
Часть 1. Художественная литература	9
Опыт 1. Американская «ностальгия» по великому прошлому. Сага-фэнтези Дж. Р. Мартина «Песнь льда и пламени» (Игра престолов)	10
Опыт 2. Миф о герое	12
Опыт 3. Обаяние державности	13
Часть 2. Научная литература	15
Опыт 4. Мессианизм от «обиды»: Концепции исторического пути России с точки зрения психоанализа	16
Возникновение и развитие «русской идеи»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Опыты психоанализа Клио

В. Н. Болоцких

А. И. Давыдов

© В. Н. Болоцких, 2017

© А. И. Давыдов, 2017

ISBN 978-5-4485-6746-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга адресована не столько профессиональным историкам, сколько широкой публике, в особенности молодёжи. В её названии фактически указана цель, которую ставят перед собой авторы. Психоанализ призван вскрывать личностную мифологию, указывая на её подтекст, часто бессознательную подоплёку мифотворчества. В особенности это относится к аналитической психологии К. Г. Юнга и его методу амплификации (т.е. расширения сознания). Только здесь в качестве своеобразного «пациента» и жертвы самообмана авторы рассматривают Клио – саму музу истории. Она в разные эпохи и в различных культурах и странах оказывается объектом фальсификации и разнообразных абберраций, намеренных и случайных. В традиционной историографии не всегда получается вскрыть эти искажения. Историки и в особенности литераторы и публицисты, пишущие на исторические темы, сами оказываются заложниками заблуждений своего времени и идеологических штампов. Политика и социокультурная ментальность давят на их научное или художественное сознание. Возникает типичная для психоаналитического процесса ситуация трансфера (переноса прошлого опыта на современную реальность). Прошлый опыт меняет восприятие реальности и человек мифологизирует её.

Авторы видят свою задачу в том, чтобы дать оценку этих мифов на некоторых примерах из художественной, научной и публицистической литературы. Тем самым избавляется от заблуждений и неискушенный читатель, часто воспринимающий прочитанное за «чистую монету».

Авторы намеренно (учитывая выбранный научно-популярный жанр) отстраняются от традиционной, принятой в исторической науке, критики источников, прибегая к аналогиям и метафорам, принятым скорее в психоаналитически ориентированной психологии. Это диктуется самим предметом их исследования – ментальности создателей рассматриваемых произведений, проистекающей из «коллективного бессознательного» эпохи.

Мы не будем рассматривать злонамеренную диффамацию, а, так сказать, добросовестные заблуждения, одобренные художественным вымыслом или философскими идеями рассматриваемых писателей или ученых. Однако считаем, что от добрых намерений мифотворчество не перестаёт быть таковым.

Возможно, авторы и сами могут оказаться не меньшими мифотворцами, заменяя одни мифы другими. Поскольку авторы и сами не застрахованы от влияния своего прошлого опыта и своей социокультурной среды. Единственным средством здесь может быть только тщательный контрперенос, т.е. максимально самокритичное отношение к собственным интерпретациям, к которому по мере возможности авторы стараются прибегать и которое является нормой для психоанализа. Поэтому и читателя призываем быть критичным, отделяя «зёрна от плевел».

Ещё сам «отец истории» Геродот часто использовал в своих трудах недостоверную информацию, находясь под влиянием мифа о великой эллинской цивилизации и варварах ее окружающих. Не избежали заданности своими теоретическими построениями и такие великие историки, как Л. Гумилёв и А. Тойнби. Что уж говорить о писателях, использующих исторические темы: А. Дюма, А. Толстом, В. Пикуле и др.

Методологическое введение

В 50 – 60 —е годы XX века в исторической науке происходят серьёзные изменения. Почти одновременно во Франции и США появляются новые направления в историографии, меняющие её традиционный облик. Во Франции развивается, основанная М. Блоком, школа «Анналов», представленная Л. Февром, Ф. Арьесом, Ж. Ле Гоффом, Ф. Броделем и др.

Эти историки делают акцент на изучении социокультурных ментальностей, т.е. нравов, обычаев, настроений, традиций эпохи, менталитета широких масс. Их интересуют не жизнеописания королей, пап, полководцев, написанные придворными хронистами, а нравы их дворов, представления о времени, жизни и смерти, предрассудки и суеверия, быт крестьян и горожан, простых солдат. В их работах дается широкий психологический и социологический портрет эпохи. «Исследование ментальностей, социально-психологических установок общества и образующих его групп представляет собой задачу первостепенной важности для гуманитарного знания. Здесь нащупывается богатейший пласт коллективных представлений, верований, имплицитных ценностей, традиций, практических действий и моделей поведения, на котором вырастают и над которым надстраиваются все рационально осмысленные идеологические системы. Без учёта этого слоя общественного сознания нельзя понять ни содержания и реального воздействия идей на человеческие умы, ни поведения людей, группового или индивидуального», — пишет исследователей инновационной истории А. Я. Гуревич.¹

В Америке под влиянием психоанализа, занесённого сюда эмигрировавшими врачами и психологами из нацистской Германии, формируется так называемая «психоистория» (термин придуман писателем-фантастом и футурологом А. Азимовым). В ней акцент делается на индивидуальной и массовой психологии исторических персонажей. События объясняются не только экономическими и социально-политическими закономерностями, но, в первую очередь, закономерностями внутреннего психологического мира действующего в истории человека. Отталкиваясь от работ, написанных ещё создателями психоанализа З. Фрейдом («Моисей и монотеизм», «Леонардо да Винчи», «Тотем и табу»), Э. Фроммом («Бегство от свободы», «Анатомия человеческой деструктивности»), Э. Эриксон («Молодой Лютер», «Ганди»), Х. Арендт («Вирус тоталитаризма»), П. Левенберг («Нацистская молодежная когорта»), Ллойд де Мозе («Психоистория») и др. пишут о явлениях, до сих пор остававшихся главным образом за рамками классической историографии. О подсознательных влечениях и комплексах исторических деятелей и их последователей, массовых психозах и движениях, фобиях и психологических эпидемиях толпы. Именно скрытая тёмная сторона человеческой души порождает по их представлению такие движения, как религиозный фанатизм, нацизм, фашизм, террористические партии и группы. Эти междисциплинарные исследования не только дополняют, но и опровергают официозные версии традиционной исторической науки.

И хотя эти направления не избежали собственных недостатков: американцы и их европейские сторонники часто грешат чрезмерно вольной трактовкой фактов, которыми жертвуют в угоду требованиям психоаналитической теории, что чревато психологизацией истории, избыточным вниманием к самым мрачным её страницам, а французы часто «мельчат», крупные события тонут в их книгах в бытописании, религиозных и идеологических концептах и подробностях культа и философии. На деле эти направления существенно обогатили историографию. Для них характерны тонкое чувство эпохи, понимание того, как она влияет на мировоззрение автора, стремление постоянно следовать «принципу реальности», избегая давления власти и пропаганды, введение в исторический оборот новых источников, например, личных дневников, историй болезни, переписки, данных юриспруденции и т. д. История «оживает», очелове-

---

¹ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М. Наука, 1993. С. 262.

чивается, охватывает более широкий срез событий. При анализе источников они ищут не то, что сказано, а то, что пропущено или дано в иносказании. Читателя заставляют более внимательно присматриваться к себе и окружающей его среде времени, находить фальшь в пропагандистских клише и лозунгах, видеть недосказанное и скрытое в исторических монографиях и романах, фильмах и публицистических очерках.

Неоценимый вклад внесли психоисторики в изучение германского нацизма (например, работы Б. Беттельгейма и В. Франкла, задуманные под влиянием личного опыта в концлагерях, работы П. Левенберга о психологии нацистских вождей Г. Гиммлера и А. Гитлера, написанные на основе переписки и дневников.) Т. Адорно и Э. Фромм выявили закономерности, приведшие к возникновению фашизма, который в советской историографии объяснялся почти исключительно заговором корпораций и тяжестью репараций, легших на плечи простых немцев.

В фокус психоистории попали «процессы ведьм», зверства инквизиции и расистов, террористических организаций как правого, так и левого толка (от СС до «Роте Фане» и «красных бригад».) Начиная с К. Юнга были выявлены закономерности возникновения «Новых религий» и псевдонаучных течений, которые начали плодиться в виде нетрадиционных сект во второй половине XX века. Такую религию Юнг увидел в мифотворчестве уфологов. Д. Даймонд в книге «Коллапс» показал почему исчезали одни цивилизации, тогда как другие выжили в тех же условиях, показав важность экологического фактора в истории человеческой культуры. В то же время в России (СССР) в работах Л. Гумилёва и Б. Поршнева многое было сделано для обоснования биологического и географического факторов.

Несомненно, междисциплинарный подход к истории открыл новые перспективы в её развитии как научной дисциплины. Хотя он же порождает и псевдоисторические мистификации (взять, например, творчество Фоменко и Носовского). Тем не менее, в исторических работах и художественной литературе, посвящённой исторической тематике, продолжают рождаться новые мифы. Для краткого их обзора и написана эта книга.

Новые направления предъявляют и новые требования к анализу исторических произведений – научных или художественных, претендующих на явное или скрытое описание исторических событий. Можно свести их к трём принципам:

– Должно быть проверено содержание на соответствие реальному контексту описываемой исторической эпохи (сравнительная характеристика источников требовалась и традиционной историографией, правда только по отношению к научным работам).

– Должна быть выявлена личная позиция автора, угадывающаяся по тому, что он написал или упустил. В ней, как правило, сквозит заданность определённой идеологией или его личностные приоритеты в отношении тех или иных событий или персонажей. Тем более, что художественные произведения часто оказывают на современников большее влияние, чем узконаучная литература, доступная специалистам.

– Историческая реальность должна быть отделена от художественного вымысла, на который у писателя есть безусловное творческое право.

Стараясь руководствоваться этими принципами, перейдем к дальнейшему повествованию.²

---

² Давыдов А. И. Психоанализ как методология исследования российской культуры. Новосибирск.:СГУПС, 2013. 195 с.

Часть 1. Художественная литература

Клио

• Kleiw –

- Муза истории, она означает величие и славу и свидетельствует о том, что может достичь человек, помогает разгадать загадку собственного выбора, бессмертия, достигнутого преодолением своего собственного предела. Она изображалась со свитком и грифельной палочкой в руках.

MyShared

Опыт 1. Американская «ностальгия» по великому прошлому. Сага-фэнтези Дж. Р. Мартина «Песнь льда и пламени» (Игра престолов)

Цикл романов Дж. Мартина, ставший известным благодаря киносериалу «Игра престолов» в последнее время приобрёл поистине «культовый характер» у российской молодёжи, а, следовательно, стал социокультурным явлением, превзойдя по популярности книги Толкиена и поставленные по ним фильмы. Однако, в отличие от Толкиена, черпавшего вдохновение в кельтских и англосаксонских сказаниях, что совершенно естественно для фэнтези как жанра литературы, Мартин пытается опираться на реальную историю Британии и сопредельных с ней страна в эпоху позднего средневековья, облекая её в фантастическую форму. Жанр фэнтези даёт значительный простор воображению писателя. Историческая канва расцветается фантастическими персонажами и событиями: великанами, драконами, магами, люто-волками, ледяной стеной и т. д. Хотя за всем этим угадывается история Британии: пикты – «дети леса», андалы и ройнары – англосаксы и юты, «Железнорождённые» – норманны, Эйгон «Завоеватель» – читай Вильгельм, покоривший Британию, а его драконы – метафора драккаров викингов, Валирия – Рим. Узнать об этом можно только по аналогии, догадываясь по отдельным деталям: дороги, пересекающие Европу, вал Адриана – Стена, отрезавшая римскую Британию от Севера острова. За культом семи богов прячется христианская церковь с её монахами и священниками. За вольными городами – итальянские города-республики: Венеция (Браавос), Генуя, Флоренция, Милан, Падуя и др. За наёмными отрядами – кондотьеры, за рабовладельческими городами – страны Леванта. В феодальных междоусобицах Вестероса прозрачно прочитывается война Алой и Белой роз, за Старками и Ланистерами – Йорки и Ланкастеры с перестановкой. За Баратеонами – Плантагенеты. Читатель, не сведущий в средневековой истории, может и не увидеть этот исторический контекст. Однако, несмотря на достоверное описание феодального быта и нравов эта история превращается Мартином в миф. И за этим мифом чувствуется ностальгия американского писателя по богатому историческому прошлому, которым обделена история современных США. Не считая войны за независимость, покорения «дикого Запада» и войны Севера против Юга и вспомнить особо нечего. Писатель обращается к англосаксонским историческим корням и истории Европы и Британии, насыщенной событиями, тем самым компенсируя эту ностальгию по истории. Средневековье предстаёт не «тёмными веками», полными жестокости, фанатизма и прикрытого религиозным ханжеством насилия, как например у Стругацких в «Трудно быть богом», а героическим и романтическим временем, воспетым рыцарскими балладами и легендами. Сказывается характерная не только для Голливуда тенденция к романтизации, а, следовательно, и к оправданию агрессии и войн.

Аналогично обошелся с историей другой американский писатель – фантаст Г. Гаррисон в цикле «Молот и крест», в котором история эпохи викингов не только выворачивается наизнанку, но и всячески романтизируется. Американцам, по-видимому, хочется предстать наследниками имперского Рима (о чем свидетельствует огромное количество фильмов «фабрики грёз»), но и пиратов-мореплавателей, скандинавов-викингов. Об этом также говорит обилие фильмов, вполне фантастических, хотя и использующих часто реальные исторические сюжеты. Не хочется вспоминать об испанских конкистадорах, уничтоживших древние цивилизации Америки, зато Дрейк, Флинт и Морган: корсары, грабившие испанцев, оказываются героями.

Так, исподволь, американцам внушается миф о великом прошлом, об избранности Богом. Невольно вспоминается арийский миф гитлеровской Германии, в котором фигурировало героическое прошлое древних германцев.

Только вместо подлинной истории получается сплошное фэнтези. Не стоит удивляться после этого, что в трудах профессиональных англо-американских историков решающую роль во второй мировой войне играют США и Великобритания. Для наших молодых людей всё это остается за кадром. Они смотрят красивые сказки и верят в них. Мы далеки от мысли, что Дж. Мартин осознанно и намеренно искажил историю, подменяя её мифом. Как и любой писатель (а в особенности в жанре фантастической литературы) он имел право на вольную трактовку фактов. Тем не менее, широкая публика судит об истории не по достоверным, но скучным монографиям, а по мифам в красивой упаковке. Возможно, кто-то из читателей заинтересуется и обратит внимание на подлинный исторический подтекст романов Мартина и хотя бы для себя восстановит истину.

Мифы имеют огромную силу, поскольку воздействуют на тех, кто их воспринимает на архетипическом, бессознательном уровне. И именно они часто определяют ментальность поколений. Для этого не обязательно использовать официальную идеологию. Достаточно сказки. А миф об избранном народе, расе или классе – один из самых сильных. Можно много писать о том, как в «Игре престолов» всплывают отголоски мифа об избранности. Дейенерис Таргариен освобождает рабов, а Станнис Баратеон и Джон Сноу – «одичалых», «вольный народ» (читай шотландских горцев, негров или индейцев). А если горят костры, то это происки «красных жрецов» (в культе которых можно усмотреть аналогию с зороастрийским иранским культом «огнепоклонников»). Если творятся жестокости – то это дело рук отдельных садистов Болтонов, которых непременно карают. Добро в американском его понимании, с могучими кулаками, обязательно побеждает зло.

Когда подлинные гуманисты, например А. и Б. Стругацкие, пишут о средневековье в виде фантастической метафоры, они пытаются предупредить о его возможном воссоздании в виде фашизма или религиозного мракобесия, а не эстетизируют это жуткое время. Время инквизиции, опустошительных войн, чумы и торжества права сильного. Мартин тоже пишет об этом и, порой, достаточно реалистично, но это не роман – предупреждение (в стиле О. Хаксли и Дж. Оруэлла), а Сага о героях. Конечно, в средние века был и рыцарский кодекс чести и величавость готики, но для избранных, а вот чума для всех. И никакие учёные мастера не могли от неё избавиться. Хотя симпатии Мартина, верящего в торжество науки, безусловно на их стороне, а не фанатиков клерикалов, вроде «воробьёв» (читай нищенствующих монахов-доминиканцев). Он опять же как истинный американец верит в конечное торжество науки и технического прогресса. Но сила на стороне драконов. А романы буквально перенасыщены любимыми голливудскими темами: агрессией и сексом. И ницшеанской «волей к власти». В подлинной «войне роз» победили не герои, а те, кто этой «волей к власти» руководствовался, без всякого кодекса чести – Тюдоры (в романах на них похож лорд П. Бэйлиш – воплощение коварства и вероломства). В итоге английское дворянство было почти полностью уничтожено и наступило торжество денежных мешков – нового класса буржуа.

Опыт 2. Миф о герое

Другой пример, хотя, скорее не создания, а воссоздания мифа – книга советского писателя И. Ефремова, также известного более как фантаст, – «Таис Афинская». Это исторический роман о времени походов Александра Македонского, с претензией на полную достоверность. Почти все имена в нём подлинные и фактическая канва соблюдена. В то же время, описание начала эллинистической эпохи античности подчинено философским взглядам Ефремова на эллинизм как на период расцвета человеческой цивилизации, период высочайшего подъёма цивилизации, противостоящего варварству. И это так, если бы гуманист Ефремов писал, об «осевом времени» в духе Е. Ясперса. Это верно, относительно греческого искусства, философии и возникающей в это время науки. Однако Ефремов пишет о завоевательных походах, героизируя греко-македонских воинов, мало считавшихся с чужими культурами и традициями. Синтез Востока и эллинского Запада произойдёт, но гораздо позже, после длительных кровопролитных войн, в ходе которых уничтожались города и народы. Характерно, главная героиня романа гетера Таис сожгла одно из чудес света – дворец в Персеполе. В книге возрождается возникший ещё в древности миф об Александре (на Востоке Искандере Двурогом) как о доблестном и благородном герое «без страха и упрёка». Миф этот отчасти создавался самим Александром, мнившим себя сыном Зевса, т.е. претендовавшим на божественное происхождение вполне в духе царей-деспотов Востока. У Ефремова Александр (завоеватель стремящийся к мировому господству в тогдашнем представлении и неограниченной власти) – безусловный герой как и окружающие его соратники полководцы: Птолемей, Селевк, Непарх, Антигон, которые сразу после смерти царя развернули жесточайшую борьбу за лидерство и покорённые земли в духе «Игры престолов» – войны диадохов и эпигонов и разорвали непрочную империю завоевателя на враждующие части, которые в итоге достались Риму. У Ефремова они также героизируются, что естественно для давней исторической традиции, прославляющей завоевателей. Но Ефремов – претендующий на известность именно как гуманист, философ, чьи идеалы красота и человеколюбие. Достаточно прочитать другой его роман «Лезвие бритвы», ставший программным манифестом его мыслей. Не удивительно, что на постсоветском пространстве героизируются другие кровавые завоеватели: Тимур Тамерлан, Чингисхан, их памятники сейчас стоят на площадях Узбекистана и Монголии. В советские времена устойчиво бытовал миф о великом полководце и правителе – И. В. Сталине, отголоски которого звучат до сих пор. Миф о герое один из самых распространённых и устойчивых. Но этот герой не Просветитель, Поэт или Учёный, а тиран и создатель империи.

Откровенно мистифицируется в романе образ главной героини, которая предстаёт чуть ли не первой феминисткой, борющейся за свободу и права женщин, задавленных рабством и патриархальным гнётом. Так мифы советского времени переносятся в совершенно другую эпоху. Не избежали этого переноса и Стругацкие, развивающие в ряде романов идею прогрессорства (например, в недавно экранизированном «Обитаемом острове») – легенду о людях несущих в иные миры добро и справедливость и ради их внедрения на чужой почве готовые на любое насилие. И здесь американская мифология утверждения демократии среди отсталых дикарей («бремя белого человека» у Р. Киплинга) начинает поразительным образом совпадать с советской идеей утверждения социализма на любой почве и любыми средствами. И опять за образом Прогрессора возникает архетипически мощный образ Героя. И мессианский миф строителей государства «американской мечты» своей архетипической составляющей сливается с мифологией строителей коммунизма.

Опыт 3. Обаяние державности

Один из наиболее известных сейчас в нашей стране автор исторических романов В. Пикуль – не фантаст. Оставляя в стороне художественные качества его романов (ведь это не литературоведческое исследование), отмечаем, что и он не избежал мифотворчества. Обладая безусловным писательским даром, Пикуль склонен достаточно вольно трактовать российскую историю, оставаясь при этом на ниве реальных фактов, что и подкупает широкие массы читателей.

При этом Пикуль – истовый патриот и государственник. К примеру, его роман о екатерининском времени «Фаворит» буквально насыщен «восклицательными знаками». Он славословит правление «просвещённой дворянской императрицы» не менее, чем это делали придворные царедворцы и её фавориты, обласканные «матушкой царицей». Действительно, если встать на точку зрения, что рост границ империи и многочисленные победы над врагами – показатель государственного величия, то Екатерина II – действительно Екатерина Великая. Выход к Чёрному морю, не удавшийся Петру, решение Крымского вопроса, освобождение от шляхетского гнёта украинского и белорусского населения, а от нависшего османского – Грузии – деяния, достойные исторического панегирика. Также как и приведение в порядок административной системы и политика веротерпимости. Американцы должны быть благодарны конвенции о морском нейтралитете, составленной и подписанной морскими державами по инициативе России. Она облегчит достижение ими независимости от Великобритании, позволив прорвать блокаду и получить военную помощь из Франции. Велики заслуги Екатерины в области культурного развития страны. Имена Румянцева, Суворова, Ушакова навсегда вписаны в страницы боевой славы русского оружия.

Однако за этим обаянием великодержавности у Пикуля исчезает исторический факт доведения крепостного права до максимума, сближающий положение русских крепостных крестьян с положением американских негров-рабов на плантациях. И вызвавший самый ожесточённый и кровавый русский бунт – восстание Е. Пугачёва. Просвещённая императрица запрещает крестьянам жаловаться на своих господ, превращающихся в привилегированных трутней (которые отныне могли не служить). Польша разорвана тремя империями после серии бесправных разделов. Победоносные знамёна империи затмевают эту неприглядную реальность для Пикуля. А герой его романа фаворит императрицы Г. Потёмкин, к слову один из череды других, затмевает действительно выдающиеся фигуры эпохи. Вот писатель отсчитывает «время Потемкина»: «Так явился на свет божий Григорий Александрович – Потемкин, светлейший князь Таврический, генерал-фельдмаршал и блистательный кавалер орденов разных, включая все иностранные (кроме Золотого руна, Святого Духа и Подвязки), генерал-губернатор Новой России, создатель славного Черноморского флота, он же его первый главнокомандующий, и прочая, и прочая, и прочая...»³

Впрочем, это можно было бы отнести к биографическому жанру романа и к праву писателя на художественный вымысел. Хотя в памяти народа остались лишь вымышленные завистливыми иностранцами «потёмкинские деревни». У Пикуля же опять возникает фигура мифологического героя, хотя подлинные деяния «князя Таврического» ещё ждут своего исследователя. Здесь же «времена Очакова и покоренья Крыма» обретают вполне былинный характер. Но остаётся вопрос – можно ли считать массовые бедствия народа, гибнущего в бесконечных войнах и под батогами таких как Д. Салтыкова, достойной платой за присоединение Таврии и процветание освобождённого от обязательной службы дворянства. Зато Потёмкин превращен Пикулем в радеющего и страдающего за народ доблестного и мудрого правителя

---

³ Пикуль В. С. Фаворит М.: Вече, 2010. Т. 1. С. 12.

и полководца – нового героя великой державы, выделяясь из череды Разумовского, Бирона, братьев Орловых и других «баловней Фортуны». Читателю остаётся вслед за Пикулем восславить великую русскую государственность, восседающую на самодержавном троне. Однако никак не получается оставить миф об оправдывающей всё державности монархистам и урапатриотам. Он продолжает возрождаться с новой силой, на каждом новом витке русской истории.

Часть 2. Научная литература

Муза Клио

Дорогой друг!

*К тебе обращаюсь я,
греческая муза истории Клио.
Я вдохновляла и вдохновляю
всех тех, кто вслед за мной
готов к увлекательному
путешествию в Прошлое.*

Опыт 4. Мессианиззм от «обида»: Концепции исторического пути России с точки зрения психоанализа

Возникновение и развитие «русской идеи»

Большую роль в политической жизни любой страны играют представления о её прошлом, настоящем и будущем. Они оказывают большое влияние на принятие важных политических решений, на характер политики правящей элиты и поведение населения, особенно политически активной части. Поэтому особый интерес вызывают представления о России и путях её развития, бытовавшие в XIX – XX вв.

Оживление общественной мысли России, размышления над её прошлым и настоящим, выработка представлений о будущем, поиск путей развития российского общества начинаются во второй четверти XIX в. Характернейшая черта общественной мысли того времени: постоянные сравнения России с Европой. Это видно в сочинениях П. Я. Чаадаева, западников и славянофилов, в официальной идеологии самодержавия, православия и народности. Все мыслители этого времени были прекрасно образованы и образованы именно по-европейски, почти все или учились в европейских университетах, или путешествовали по Европе, знали языки и хорошо были знакомы с европейской культурой.

В Европе первой половины XIX в. уже наглядно давали себя знать первые плоды промышленного переворота (механические станки, паровые машины), растущего разделения труда и обмена и, как результат, роста производительности труда. Происходили изменения в социальном строе европейского общества, появлялись новые общественные классы, теряли своё значение сословия и социальные группы традиционного общества. Хотя жизнь промышленных и сельских рабочих была крайне тяжёлой, уровень жизни многих слоёв населения стал повышаться. К материальным благам цивилизации (железным дорогам, пароходам, бытовым удобствам) стало приобщаться всё больше людей, они переставали быть уделом только верхушки общества.

В России же были тишина и покой. И всё чаще сам собой возникал вопрос: а как же Россия, а как же мы, почему у нас-то ничего этого нет, возможно ли это в России? И если возможно, то как этого достичь? А, может быть, и вовсе этого не нужно. Не нужны железные дороги, а то нравы народные испортятся, как полагал министр финансов Канкрин.

Выбор для России был небольшим: или, засучив рукава, работать как в Европе, чтобы жить со временем как европейцы, или искать свой особый, русский, путь. Многие представители общественной мысли России того времени предпочли второй путь.

Одним из первых задумался над этим Чаадаев и попробовал дать свои ответы. Он подверг резкой критике прошлое и настоящее России: в её прошлом нет ничего примечательного, поучительного, одна косность и неподвижность. Не лучше и в настоящем: культурные достижения заимствованы с Запада, усвоены поверхностно, под давлением власти, начиная с Петра I. Причины такого положения в России Чаадаев видел в потере православием универсальных христианских начал, в византийской неподвижности, отчуждении от Европы. А выход видел в приобщении России к европейскому единству на основе христианского универсализма.

«Философские письма» и «Апология сумасшедшего» Чаадаева проникнуты религиозным духом, для него духовные интересы превыше материальных, для него именно дух ведёт человечество вперёд. Но он не забывал в своих размышлениях и о материальной стороне жизни (как и в своей повседневной, в которой тщательно следил за своей внешностью и не лишал себя

бытовых удобств). Во втором письме Чаадаев замечал: «Одна из самых поразительных особенностей нашей своеобразной цивилизации заключается в пренебрежении всеми удобствами и радостями жизни. Мы лишь с грехом пополам боремся с крайностями времён года, и это в стране, о которой можно не на шутку спросить себя: была ли она предназначена для жизни разумных существ». Со ссылкой на Платона и отцов церкви, которые заботились о своём земном быте, он подчёркивал: «В этом безразличии к жизненным благам, которое иные из нас вменяют себе в заслугу, есть поистине нечто циничное. Одна из главных причин, замедляющих у нас прогресс, состоит в отсутствии всякого отражения искусства в нашей домашней жизни». И предлагал своей адресатке: «Затем я бы хотел, чтобы вы устроили себе в этом убежище, которое вы как можно лучше украсите, вполне однообразный и методический образ жизни. Нам всем не хватает духа порядка и последовательности».⁴

---

⁴ Чаадаев П. Я. Философические письма // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. М., 1991. С. 40—41.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.